

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI 10.35775/PSI.2026.128.4.003

УДК 93/94

Д.М. АБРАМОВ

кандидат культурологии (по историческим наукам),
доцент УНЦ Региональной истории, краеведения
и москвоведения ИАИ РГГУ, Россия, г. Москва
E-mail: abramov_dmitriy@mail.ru

РАССТАНОВКА СИЛ ПОЛОЦКОГО И СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕСТВ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ В ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIII ВЕКА. ЧАСТЬ II¹

Русская колонизация Восточной Балтии относительно равномерно протекала во второй половине XII века. За этот период в землях этноса ливов и латгалов сложились три русских удела, принадлежавших Полоцким и Смоленским князьям: Коконос, Ерсика, Лучин (Лудза). Центрами этих уделов были довольно хорошо укрепленные города с одноименными названиями. Эти уделы занимали немногим менее половины территории современной Латвии. Русская колонизация этих земель сыграла немалую роль в сложном процессе формировании идентичности, этносоциального и политического становления латгальского и ливского этносов. Однако крестоносно-католическая экспансия Запада в первой четверти XIII века нарушила этот сложный процесс. Русские князья во главе своих дружин пытались как-то противостоять западным завоевателям.

Однако русские удельные княжества погибли в ходе конфронтации с западными завоевателями. Русская правящая элита и духовенство не увидели, что ливские и латгальские, вожди и князья стремятся активно обрести политический статус. Более опытная в этом отношении западная церковно-феодалная элита опередила русскую и перехватила инициативу. Князья, вожди и дружины балтов, пробужденные в начале XIII века агрессивным вмешательством с Запада к активной военно-политической деятельности, получившие огромный военный опыт, почти полностью сожгла свои силы в огне междоусобных и межэтнических войн. Коренные этносы этой земли были поработаны и лишены возможности создать свою государственность. Все эти события сопровождались огромными жертвами как среди враждующих сторон, так и среди мирного населения. Феодалная элита западных русских княжеств полностью утратила возможность влиять на положение дел в Восточной Балтии.

¹ Часть I исследования читайте в журнале Вопросы политологии. 2026. Т. 16. № 3 (127). С. 808-817.

Ключевые слова: Восточная Балтия, Полоцкое княжество, Смоленское княжество, Латгалия, Ливония, княжество Коконос, княжество Ерсика, княжество Лучин. Орден Меченосцев, епископ рижский.

Гибель княжества Ерсика. В конце лета 1209 года на очередном военном совете было решено «избавить молодую церковь от козней литовцев и русских». Князю Герцике Всеволоду было поставлено в вину то, что он нападал на Ригу (1203 г.), что женат на дочери одного из самых могущественных литовских князей и всегда оказывал литовцам поддержку при переправе через Двину, в походах на Ливонию, Эстонию и даже Руссию. «Бежали и русские по лесам и деревням пред лицом немногих литовцев, как бегут зайцы перед охотником, – писал хронист, – и были ливы и лэтты кормом и пищей литовцев, подобно овцам без пастыря в пасти волчьей». Потому, возложив на рамена свои столь ответственную миссию, Орден стал собирать войска по всей Ливонии и Лэттии для похода против Герцике. Против русского княжества епископ направил большое войско [6. С. 114].

«Русские, издали увидев подходящее войско, бросились к воротам города навстречу, но, когда тевтоны ударили с оружием в руках и некоторых убили, те не могли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались за ними в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволялись спастись бегством; женщин и детей, взяв город, пощадили и многих взяли в плен» – писал Генрих Латвийский. В плен к немцам попала жена князя Всеволода со своим окружением, но князь успел с малой дружиной переправиться через Двину и со слезами на глазах наблюдал за тем, как орденские воины грабят, насилуют, берут в плен его подданных и жгут его город. «О Герцике, милый город! О наследие отцов моих! О нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение моего народа!» – причитал князь [6. С. 115].

Философски переосмысливая написанное, объективности ради необходимо воспроизвести последнюю реплику князя в качестве вопроса: «Зачем только такие князья роятся и правят в Русской земле?» Бежать из родного города, спасая свою жизнь, бросив жену, детей, своих подданных, а потом вместе с дружиной наблюдать с противоположного берега реки за тем, как враг глумится над твоим народом и уничтожает твое достояние, мог только человек, по меньшей мере, не просто робкий, но скажем склонный к самому худшему поступку человеческой породы – предательству. Во всяком случае, князь Вячко, повел себя более мужественно и решительно в подобной ситуации.

Известный дореволюционный отечественный исследователь Фридрих фон Кейслер, оценивая итоги взятия Ерсика, приводит любопытные свидетельства раздела этого русского княжества рижским епископом и Орденom. «Дополнением к его рассказу (Генриха Латвийского – Д.А.) служит исторический документ о состоявшемся событии (составленный не раньше конца лета 1209 г.), который был в руках у Генриха, но которым последний недостаточно

воспользовался,... – писал фон Кейсслер, – Епископ объявляет, прежде всего, о подчинении ему Всеволода; последний явился в Ригу и в присутствии многих свидетелей... немцев, русских и ливов законным образом принес в дар Пресвятой Деве Марии город Герцике... с землею и всеми принадлежащими этому городу именьями... Тех же, как говорится дальше, – которые платили ему дань и от нас получили веру, освободив, дань и землю предоставил нам..., а именно укрепление (собственно: город – *urbem*) Antina [должно быть Autina] и Zeessow [должно быть Zcassow] и другие подчиненные нашей вере [местности]... и названный город [т. е. Герцике] был получен обратно как лен из наших рук...» Ниже фон Кейсслер дал сноску, что пользовался более ранними немецкими изданиями Хильдебранда и Билленштейна [9. С. 20]. Таким образом, в 1209 году при первом разделе княжества Ерсика епископ и Орден отторгли от него около трети его территории с городками-погостами Аутина и Зкессов.

Почему же так быстро пал Герцике – центр столь значительного удельного княжества русских в Восточной Балтии? Во-первых, надо отдать должное умелой подготовке этой операции Орденom. Быстрый сбор войск и неожиданное нападение сопутствовали успеху. Руководство Ордена и епископ умело использовали огромный двухсолетний опыт штурма и взятия крепостей в ходе крестовых походов. Во-вторых, русские применили устаревшую тактику защиты городов – они попытались выдвинуться в поле и дать бой у ворот города, вместо того, чтобы запереться в крепости и биться с врагом на стенах. А причиной тому – все та же отсталость в методах обороны или взятия крепостей – неумение строить и использовать метательные машины – «пороки». (Спустя сорок лет за это дорого заплатит Русская земля, сжигаемая нашествием монголо-татар). В-третьих, разобщенность русских князей перед лицом общей опасности в очередной раз ярко проявила себя. Не успел князь Всеволод призвать на помощь и своих союзников – литовцев. И наконец, в-четвертых, русская православная иерархия и духовенство не стремились к активной миссионерской деятельности [2. С. 50–58]. «Начало миссионерства в Восточной Прибалтике можно увидеть с обеих сторон. Русская церковь, продвигая миссионерство из Византии, возвела несколько церковных зданий в Герсике при княжеской резиденции, а в Кукенойсе, вероятно, была русская церковь. Восточная миссия не имела возможности вести распространение из этих двух пунктов, да и среди латышей, похоже, значительного прогресса достигнуто не было, вероятно, еще и потому, что русские еще не желали проводить систематическую и всестороннюю прозелитическую работу в больших масштабах», – справедливо отмечал германский исследователь Фридрих Беннингхофен во второй главе своего исследования «Восточная Прибалтика и миссия борьбы с язычеством в конце XII века» [5. С. 23].

Последствия взятия немцами Герцике были самыми печальными для русских Латгалии. В следующем 1210 году литовское войско все же попыталось нанести ответный удар и выбить ливонских воинов из Коконоса. «Литовцы, думая, что в Кукенойсе осталось немного народу, пришли к замку с большим войском и, найдя там Родольфа из Иерихо с прочими людьми епископа, храбро напали

на них. Против них вышли из замка слуги епископа и лэтты и многих перебили копьями, а балистарии некоторых ранили, стреляя с вала. Не выдержав этого натиска, литовцы отступили», – писал хронист [6. С. 118-119].

Затем последовало нападение большого флота с войском куршей на Ригу, с трудом отбитое немцами и их союзниками. Да и с эстами у Ордена начались осложнения. Поэтому орденское руководство решило направить послов к Полоцкому князю, чтобы заключить с ним мирное соглашение и этим актом как-то нейтрализовать трудную политическую ситуацию. Произошел обмен посольствами, переговоры с русскими о мире начались.

Мало того, Орден сумел заручиться поддержкой феодальной элиты республиканского Пскова и Псковского князя Владимира в борьбе с эстами Поморья. Тогда же на исходе 1210 года большой русский отряд, набранный из боярских дружин Пскова, принял участие в объединенном походе орденских войск к северному берегу Рижского залива в область эстов Сонтагану. В ответ на участие русских дружин в этом походе, эсты из Саккалы неожиданно напали на Псков. Однако псковичи с трудом отразили приступ эстов на город. Те ушли с добычей и полным восвоей. Вот тогда и произошли волнения псковичей, сопровождавшиеся выступлением их против князя Владимира. Не найдя прибежища у Полоцкого князя, Владимир Псковский «отправился со своими людьми в Ригу, где и был с почетом принят зятем своим и дружиной епископа». Это событие заслуживает в контексте излагаемой темы особого внимания. Для истории Балтии это был первый случай, положивший начало появлению там русской политической эмиграции в лице прогермански настроенной феодальной аристократии. Начало этому политическому явлению было положено именно Псковским князем Владимиром. В дальнейшем оно открыло дорогу в Балтию многим представителям русской знати, выступавшей под флагом охранения своего феодального иммунитета, феодальной раздробленности в Русской земле, в поисках союзников на Западе.

Между тем переговоры Ордена с Полоцким князем Владимиром пошли полным ходом. Местом этих переговоров стал город Герцике и его окрестности. И епископ, и князь прибыли в Герцике в окружении многочисленных свит, во главе своих дружин, вооруженных до зубов. Ливская и латгальская знать в окружении своих воинов также участвовали в переговорах. Предметом переговоров стали вопросы о прекращении военных действий между Полоцком и Орденом, заключении союза для совместного отражения литовских набегов, заключении договора о плавании купцов по Двине в целях установления взаимовыгодной торговли. Но уже в самом начале переговоры зашли в тупик, когда князь выдвинул требование, что одним из условий заключения мира, станет

прекращение деятельности миссионеров епископа в крещении ливов и латгалов по латинскому обряду. Следом Владимир Полоцкий решил прибегнуть к демонстрации военной силы. Он «велел своему войску выходить из замка, а затем, будто начиная войну с тевтонами, выстроил на поле весь свой народ со стрелками и двинул на них». Но епископ и руководство Ордена не спасовали. В ответ на подобный вызов русского князя они вывели в поле всех рыцарей, своих союзников ливов и латгалов и даже вооружившихся купцов в доспехах. Князь Владимир Псковский со своей дружиной встал на сторону своих немецких покровителей. Наступил решающий момент политического и военного противостояния в Латгалии. Но расчетливый и осторожный князь Владимир Полоцкий решил не рисковать, так как на поле перед замком, скорее всего, соотношение сил было не в его пользу.

«Смущенный храбростью» ливонцев, «король велел своему войску отойти, а сам прошел к епископу и говорил с ним почтительно, называя отцом духовным... Наконец король,..., предоставил господину епископу всю Ливонию безданно, чтобы укрепился между ними вечный мир, как против литовцев, так и прочих других язычников, а купцам был всегда открыт свободный путь по Двине», – с гордостью писал Генрих Латвийский [6. С. 141]. Отныне удельное русское княжество Ерсика было окончательно обречено. Казалось, это было полное политическое поражение Полоцких князей в деле сохранения своих владений в Балтии. Но по своим последствиям немецко-русский договор в Герцике 1212 года, как политический акт не только подтверждал почти полную сдачу Ливонии и Латгалии Ордену, но и полное, пусть не скорое, поражение всей русской диаспоры в землях Восточной Балтии.

И здесь вновь необходимо привести свидетельства фон Кейслера «...из акта раздела этой области (Ерсики – Д.А.) в конце 1211 или начале 1212 г.» «Первый (епископ – Д.А.) получил Aszute, укрепление Lepene и деревни на границе Бебнины [следует: Bebernine], которые когда то принадлежали князю Герцике со всеми отдельными [местами], далее укрепления Aiscenice [настоящее имя: Autenine], Alene со всем принадлежащим, – тогда как ордену достались Zerdene, Rheyeste [вм. Negeste], Sessove [вместо: Sessowe] со всем принадлежащим, и сверх того из части епископа укрепление Alene, как вознаграждение за уступленную раньше землю», – писал фон Кейслер и ниже вновь сослался на данные Хильдебранда [9. С. 21]. При прочтении этих строк фон Кейслера о том, что первоначальные «размеры ея (области княжества Ерсики – Д.А.) можно определить, хотя приблизительно, из двух других документов», становится ясно, что советский исследователь Аннинский, видимо, почти полностью воспользовался переводом фон Кейслера. При этом Аннинский ссылаясь на какие-то «новейшие исследования», и «сохранившиеся акты», не упоминая ни переводчика, ни немецкие источники [4. С. 17, 18]. Таким образом, при втором разделе удельного княжества Ерсики рижским епископом и Орденом, владения князя Всеволода в Латгалии ограничивались в основном самим городом Герсикой и его ближайшей округой.

Спустя два года – в 1214 году орденские войска дважды нападали на Герцике и разоряли город. Причиной нападений, по словам хрониста, послужило то, что князь Всеволод «уже много лет не является к отцу своему (духовному – Д.А.) епископу, после того, как получил от него свое королевство, а в то же время постоянно помогает литовцам и советом и делом». Нападения эти были проведены с ведома и по благословению епископа Альберта. Первый раз отряд рыцарей и леттов из Куkenойса появился неожиданно и с помощью предателя из русских овладел городом. Домой ливонцы возвратились с большим количеством пленных и немалой добычей. Второй раз, видимо, осенью 1214 года, предупрежденный о новом нападении рыцарей и уже совершенно бессильный князь Всеволод призвал на помощь союзников-литовцев. Но орденские войска успели первыми захватить и разграбить город. Лишь тогда к левому берегу Двины подошла литовская конница. В ходе боя с литовцами ливонцы были частично разбиты, частично отступили к Куkenойсу, но Герцике был окончательно разорен ими [6. С. 156-157]. О судьбе князя Всеволода после этих событий почти ничего не известно. А в самом Герцике вскоре окончательно водворился гарнизон орденских воинов.

Судьба князя Владимира, изгнанного псковичами в феврале 1211 года, была столь же безрадостна. В 1212 году он был поставлен ливонскими властями судьей в небольшой провинции Идумее (нижнее течение реки Гауи [Гойвы, Койвы] западнее Венденского замка). Однако дела он вел так, что их решение было «не по душе епископу раценбургскому, а также и всем прочим». Наконец в 1213 году, он «исполняя желание многих ушел в Руссию». Но, как видится, в Русской земле князя Владимира-переветника не приняли, и в 1214 году он возвратился в Ригу. Тогда ему дали место в Метимне, где князь «стал судить, собирая с области, что ему было необходимо». Дружина же и семья князя находились в Риге на содержании епископа Альберта. Но и на новом месте князь Владимир удержался недолго, так как «накопил в Идумее и Лэттии и вещей и денег, будучи судьей в гражданских делах». Из-за этого он поссорился с местным священником Алебрандом, обличившим мздоимство князя. Пригрозив латинскому пастырю расправой, Владимир вновь ушел со всей дружиной в Русскую землю [6. С. 148-151]. Однако эти события никоим образом в дальнейшем не отвратили руководство Ордена и епископа рижского от покровительства эмигрантам и их пропуска из Русских княжеств и земель в Ливонию. Прозападнически или оппозиционно настроенная к сильной княжеской власти русская феодальная аристократия, способная сыграть у себя на Родине роль сателлитов Ордена, была нужна для грядущих политических и военных акций.

Оценивая итоги борьбы русской политической элиты и церковной иерархии за Ливонию и Латгалию прежде всего необходимо отметить то, что и те и другие очень плохо разбиралась в проблемах внутренней жизни подвластных ей народов-данников и своих вассалов – представителей местной знати. Русская власть действовала традиционно архаично и примитивно, хотя в начале XIII века политические условия в Балтии коренным образом изменились. Главное, в чем

заключалась близорукость правящей русской элиты, это то, что она вовремя не увидела растущего стремления вчерашней родоплеменной ливской и латгальской знати к закреплению своего положения на уровне уже вызревшего феодального общества. Сделать же это было возможно, прежде всего, путем приобщения балтской знати к русской системе права, культуре, вероисповеданию [1. С. 230-235]. Исследователь И. Юргенс в начале XX века отмечал, что Генрих Латвийский, владевший языками балтов, неоднократно приводит в «Хронике» термины, свидетельствовавшие о быстром становлении у ливов военно-дружинного слоя, что соответствовало вызреванию раннефеодальных отношений в обществе. Неоднократное использование хронистом балтских слов «draugus, draugs» (русс. – дружинник), «maia» (русс. – гридница, дом военного собрания), «malewa» (русс. – полк, отряд), ярко свидетельствует об этом [10. С. 1-17].

Русские правители и духовенство не увидели, что ливские и латгальские, вожди и князья активно стремятся обрести государственный статус. Более опытная в этом отношении западная церковно-феодальная элита быстро опередила русскую и перехватила инициативу. Т.о. русские навсегда утратили перспективу взлелеять и вырастить в Восточной Балтии государство, крепнущее под покровительством западных русских княжеств или хотя бы буферное государство, частично ориентированное на поддержку со стороны восточного соседа. С другой стороны, балтская знать, пробужденная в начале XIII века колонизационным вмешательством с Запада к активной военно-политической деятельности, получившая огромный военный опыт, почти полностью сожгла свои силы в огне междоусобных и межэтнических войн. Так в 1210 году многочисленная флотилия куршей с войском напала на Ригу. У стен города начались ожесточенные схватки рижан с пришельцами. Вот тогда многие предводители ливов из Торейды, Гольма, Икесколы и известный князь Каупо по первому зову двинулись на защиту католической столицы Ливонии. Но в 1212 году представители ливской и латгальской знати организовали заговор против Ордена и даже подняли народ на восстание в районе замков: Гольм, Саттэзелэ, Торейда, Зегевольде, Дабрела. Однако восстание было частично подавлено, частично погашено Орденом и рижским епископом. Многие представители местной знати были репрессированы. В этом плане очень показательно высказывание Генриха Латвийского по поводу особой заботы Святой Девы о судьбе новорожденной христианской Ливонии: «Разве она (св. Дева Мария) руками слуг своих ливонских не истребила Свеллегата да и множество других князей и старейшин литовцев? Разве Ако, князь некогда вероломных гольмских ливов, вместе со многими другими не пал, убитый рижанами? Разве не погиб Руссин, старейшина леттов, в замке Дабрела? Разве старейшины торейдские, слывшие вероломными, не пали все мертвыми во время мора?» [6. С. 205].

Угасание и конец княжества Лучин. Менее трагично, но все ж печально в начале второй трети XIII века сложилась судьба **Смоленского удела в Латгалии**. Источники ничего не сообщают об участии Смоленских князей

в противостоянии с Орденом Меченосцев. Скорее всего, они придерживались политики нейтралитета.

Город-крепость Лучин (Лудза) стал центром удельного Смоленского княжества по свидетельству Ипатьевской летописи уже не позже 1171 года [7. С. 566-567]. Археологи уверенно свидетельствуют, что до XII века на этом месте располагалось поселение русских и балтов. Первым удельным князем здесь был Ростислав Рюрикович. В городе был построен русский православный храм в честь св. Архистратига Михаила. Удельный княжеский град, как правило имел оборонительные укрепления. Правда, историки-медиевисты спорят по поводу даты постройки более позднего Лудзенского замка (2).

Но о втором городе-крепости Волкенбург – Фолкенберг сохранились более ясные свидетельства. Территория в округе укрепления на горе Маконькалнс в X-XI веках была плотно заселенной балтами и славянами, о чем свидетельствуют 15 археологических памятников государственного значения: 4 городища, 2 культовых места, 9 захоронений.

Исследователь А. Биленштейн (1882), как и несколько немецких историков в 50-х годов XX века, высказали гипотезу, что замок поначалу мог называться Wolqinburg (Волкенбург). В названии замка Фолкенберг могло быть увековечено имя магистра ордена Меченосцев Фолквина (Volkwin, Volquin). Место магистра Фолквин Шенке фон Винтерстеттен занимал с 1209 по 1236 год. Погиб он 22 сентября в битве при Сауле, после которой Орден Меченосцев прекратил свое существование. Остатки меченосцев влились в Тевтонский Орден и стали его ливонской ветвью. На этой почве появилась версия, что Фолкенберг был последним укреплением меченосцев в Восточной Балтии, а, возможно, **первым форпостом Ливонского ордена в завоевании Восточно-Латгальских земель.**

Однако Ф. Беннингхофен (1965) признает, что **существование замка Волкенбурга до 1236 года не может быть надежно доказанным**, потому что не известно, когда именно между 1234 и 1260 годами Орден завладел территорией в Восточной Латгалии (1). Но Беннингхофен ничего не сообщал о соседних городках – Лучине (соврем. Лудзе) и Режицком погосте (соврем. Резекне), как русских укрепленных поселениях. Рассказывая в своем исследовании о присутствии православных храмов в городах Кукейносе и Ерсике он писал, что «Восточная миссия не имела возможности вести распространение из этих двух пунктов» [4. С. 23]. Вероятно, имея в виду только территорию расселения этносов ливов и латгалов, он ни словом не обмолвился о храме св. Архистратига Михаила в Лучине (Лудзе) XII века. В этом контексте важен и тот аспект, что Режицкий погост располагается всего в 25 км западнее Лучина. Этот городок в Латгалии был построен русскими на высокой речной косе. Кроме того, в XII – XIII веках православный приход существовал и в Резне (Режице). Позднее – в XVIII – XIX столетиях древние православные приходы в Резекне и в Лудзе обновлялись. Можно с большей долей уверенности утверждать, что Режицкий погост-крепость входил в состав удельного русского княжества с центром в Лучине. Подтверждением этого является и свидетельство русского летописного свода, фрагмент которого был

приведен известным российским краеведом Витебской губернии и исследователем XIX – начала XX века А. Сапуновым. В летописном тексте сообщалось, что князь Полоцкий и Витебский в 1264 году обязался: «Отступити, что есть Лотыгольская земля, как не вступатися на ту землю, што князь Константин дал мештерю (**магистру – Д.А.**) съ своею братиею...што поклепани **на Резне (Режице) (курсив – Д.А.)** и што словеть Лотыгольская земля...» [8. С. 68]. Из чего следует, что Фридрих Беннингхофен вообще не знал о Лучинском уделе Смоленских князей.

Не исключено, что Смоленские князья утратили власть над этими землями именно в период между 1234 и 1260 годами, и, скорее всего, в 1236 году уже в ходе литовской экспансии на земли Смоленского княжества. Существует версия, что в 1236 году городок был захвачен и разрушен литовцами. Т.е. **Волкенбург (или русский город-крепость Волчно)** не являлся замком меченосцев в Восточной Балтии, а оставался городом-крепостью Смоленского удела, как минимум до 1236 года. Тем более что расстояние между Лудзой и Волкенбургом равняется примерно 30 км. Т.о., три этих укрепленных городка на Северо-Востоке Латгалии являлись центрами одного русского удела.

А вот восстановление городка-замка произошло в 1260-е годы, но уже под властью Ливонского Ордена. Во второй половине XIII века городок на горе Маконькалнс стал замком орденского комтура – одним из орденских укреплений в Латгалия. Не известна точная дата основания замка. Впервые в письменных источниках замок упомянут в 1263 году, когда его комтур Теодорих записан в свидетели документа: «Theodoricus commendator de Wolbenborch» (3. С. 378).

В условиях грозных и трагических для всей Европы нашествий и вторжений 1230 -1240-х годов ни русские летописцы, ни западные хронисты почти не отразили в своих трактатах и записях историю и судьбу небольшого удела Смоленского княжества Восточной Латгалии.

Заключение. Несмотря на поражение в битве при Сауле в 1236 году западные завоеватели проявили более высокий уровень военно-политического руководства, военно-стратегической инициативы и этноконфессиональной ориентации в отношениях с местным населением. Двухвековой опыт крестовых походов и войн, приобретенный в Святой Земле и в землях западных славян свидетельствовал об этом. Военно-политическая элита Полоцкого, да и Смоленского княжества проявила посредственную инициативу, а церковная иерархия практически устранилась от решения насущных этноконфессиональных вопросов в Восточной Балтии.

Но самым тяжелым последствием близорукости и бесхребетности русской феодальной элиты стало то, что тысячи, десятки тысяч людей – простой народ Восточной Балтии: ливы, латгалы, зелоны, и русские, не желавшие мириться с новыми, неприемлемыми для них условиями жизни, становились заложниками безвыходных политических ситуаций, имевших зачастую трагическую развязку.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Беннингхофен добавляет, что название замка могло быть перенято из Германии, в которой уже в XII в. у среднего Рейна стоял замок Волкенбург.
- (2) Период, охватывающий более столетия; от 1285 до 1399 года.
- (3) Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch – многотомное издание, публикация исторических источников, выходившее с 1853 года в Российской империи в городах Балтии. Издание I köide (Reval, 1853): dokumendid aastaist 1093 (Tallinna tsistertslaste kloostri vaidlusalune asutamisürik). 1300. [LUB I: 378].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамов Д.М.** Крещение язычников Балтии в XIII веке: сквозь призму богословия и историографии // Альманах «Этнодиалоги». 2010. № 3 (33). М.: Издательский дом ЭТНОСФЕРА, 2010.
2. **Абрамов Д.М.** Межконфессиональные и этнополитические отношения народов Европы и Передней Азии IX – XIII веков. Исторические материалы, свидетельства, комментарии. ОАО «Московские учебники». М., 2010.
3. **Абрамов Д.М.** Западноевропейские и византийские источники эпохи Средневековья об отношениях между западными и восточными христианами и о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 году // История и архивы. РГГУ. 2021. № 2.
4. **Аннинский С.А.** Введение, перевод и коммент // Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Изд. 2-е. М., 1938.
5. **Беннингхофен Ф.** Орден меченосцев. Противостояние немецких рыцарей и русских князей в Ливонии [Der Orden der Schwertbrüder. Fratres milicie Christi de Livonia (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart. Bd. 9). Böhlau, Köln u. a. 1965]. Перевод, ЗАО «Центрполиграф». М., 2024. 479 с. 16 л. илл.
6. **Генрих Латвийский.** Хроника Ливонии. М., 1938.
7. ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
8. **Сапунов А.** Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. Витебск, 1903.
9. **Фон Кейслер Ф.** Окончание первоначального русского владычества в Прибалтийском крае в XIII столетии. СПб., 1900.
10. **Юргенс И.** Древнейшая Ливонская хроника. СПб., 1904.

D.M. ABRAMOV

Candidate of cultural studies (in historical sciences),
Associate professor, Department of Regional History,
Local History and Moscow Studies IAI Russian State
University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

THE BALANCE OF POWER BETWEEN THE PRINCIPALITY OF POLOTSK AND THE PRINCIPALITY OF SMOLENSK, AND THE RESISTANCE TO CATHOLIC EXPANSION IN THE EASTERN BALTIC IN THE FIRST QUARTER OF THE 13TH CENTURY. PART II

The Russian colonization of the Eastern Baltics proceeded relatively evenly in the second half of the 12th century. During this period, three Russian principalities belonging to the Polotsk and Smolensk princes were established in the lands of the Livs and Latgals: Kokonos, Yersika, and Luchin (Ludza). The centers of these principalities were well-fortified cities with the same names. These principalities occupied slightly less than half of the territory of modern Latvia. The Russian colonization of these lands played a significant role in the complex process of identity formation and the ethno-social and political development of the Latgalian and Livonian ethnic groups. However, the Western crusader-Catholic expansion in the first quarter of the 13th century disrupted this complex process. The Russian princes, led by their military units, attempted to resist the Western invaders.

However, the Russian principalities were destroyed in the confrontation with the Western conquerors. However, the Russian principalities were destroyed in the course of confrontation with the Western conquerors. The Russian ruling elite and clergy failed to see that the Livonian and Latgalian leaders and princes were actively seeking political status. The more experienced Western ecclesiastical and feudal elite outmaneuvered the Russians and seized the initiative. The princes, leaders and squads of the Balts, awakened at the beginning of the 13th century by aggressive intervention from the West to active military and political activity, having gained extensive military experience, almost completely burned their forces in the fire of internecine and interethnic wars. The indigenous ethnic groups of this land were enslaved and deprived of the opportunity to create their own statehood. All these events were accompanied by huge casualties both among the warring parties and among the civilian population. The feudal elite of the Western Russian principalities has completely lost the opportunity to influence the state of affairs in the Eastern Baltic States.

Key words: Eastern Baltia, Principality of Polotsk, Principality of Smolensk, Latgale, Livonia, Principality of Kokonos, Principality of Yersika, Principality of Luchin. Order of the Sword, Bishop of Riga.